

Тайны Марьиной Горы

Нина Григорьева

Окончание. Начало в № 13 (317)

Всем понравилась его композиция. Фигура женщины, сидящей на гранитном камне, очень напоминала Марию Всеволодовну. Вторая премия была присуждена Марии Львовне Дил-лон, хорошо знавшей Крестовскую. Для того чтобы все принявшие участие в конкурсе не остались без внимания, Картавцов распорядился выдать им поощрительные премии. Решено было, что 8. В. Лишев приступит к работе немедленно, но возник вопрос о подходящей натуре. Кто-то из друзей Картавцова предложил ему обратить внимание на актрису театра В.Э. Мейерхольда Марию Филаретову. Картавцов познакомился с ней и с ее мужем Евгением Зноско-Боровским, известным театральным критиком и актером. Поначалу Картавцов приглашал их в «Мариоки» обедать, потом попросил Марию позировать для памятника и, наконец, поселил молодую семью в своем доме.

Он был бесконечно благодарен им за участие в создании памятника, бескорыстие, понимание. Когда у супругов родился сын Кирилл, Картавцов стал его крестным отцом и остаток своей жизни провел с этой семьей.

В «Мариоках» началась новая жизнь, как отголосок той, прежней. Семья была театральная, и ее присутствие как бы продолжило жизнь Марии Всеволодовны, тем более что моделью для памятника стала женщина, чем-то ее напоминавшая.

Памятник был отлит бронзолитейщиком К.И. Миглинником. Нашлась и скала, но не целая, а из трех глыб, и финны-гранитчики обработали эти камни для постамента.

Под всем этим скульптурным ансамблем был склеп - большая подземная комната, где покоилось тело хозяйки имения. Там же Картавцов оставляет место для себя.

Так на горе появился монумент, который местные жители сразу же окрестили «могилой любви». Бронзовая скульптура была немного больше обычного человеческого роста - в 1 1/4 натуральной величины. Женщина сидела на камне, одетая, по моде того времени, в свободное платье с мягкими складками и кружевным воротником, на ногах - узкие башмачки. Особенно удалась скульптору прическа - слегка выющиеся волосы искусно заплетены в косы. От грустного наклона головы, от вытянутых вперед рук с крепко переплетенными пальцами веяло и задумчивостью, и решительностью одновременно. Взор ее был направлен в сторону моря. Рядом, на маленьком постаменте, бронзовый медвежонок смотрел на хозяйку преданным взглядом.

Картавцов вспоминал, что как-то подарил жене плюшевого медвежонка, с которым она не расставалась и даже умирая просила посадить его рядом: «Вот такая маленькая деталь, а так напоминает мне о ее страданиях. Пусть, думаю, и мишка сидит подле Марьюшки».

Биографические данные М.В. Крестовской были выбиты под скульптурой, с другой сто-

роны - список ее самых известных произведений. На одной из сторон постамента была такая надпись: «При жизни недостаточно ценил тебя и лелеял, дорогая Марьюшка, зато по смерти свято исполняю волю, и заветы, и желания твои. Твой всей душой Евгений».

В письме к А.Ф. Кони Картавцов сообщает: «Согласно воле покойной жены моей Марии Всеволодовны она похоронена в парке наших «Мариоки»; там же, у ног усопшей, подготовлено место и для моей могилы... По давно уже состоявшемуся между ею и мною соглашению в «Мариоках» должен быть выстроен санаторий для интеллигентных тружеников, нуждающихся в хорошем, спокойном помещении и чистом воздухе после тяжелых болезней, после операций или усиленных работ, переутомивших их. Мною приступлено к подготовительным постройке санатория действиям, а на случай смерти моей в ближайшие три-четыре года я обещаю соорудить его средствами, указанными моим духовным завещанием. При выстройке санатория он и при ней наша Дача, где прожили мы с женой более пятнадцати лет, со всеми постройками и движимостью, садом, лесом (в общем около 20 десятин) будут предназначены одному из крупных благотворительных обществ - Красному Кресту или другому... Незадолго до смерти своей Мария Всеволодовна обсуждала со мной всякие возможности и настаивала на том, чтобы в случае смерти она была похоронена на избранном ею месте; выразила же, что единственно отрицательно соображение то, что «там не будет слышно церковного звона». Эти слова запали мне в душу, и я, имея в виду шедшие уже давно среди дачников нашей округи разговоры о необходимости построить у нас церковь (наша приходская церковь в 42 верстах от нас), а также то, что по финляндским воззрениям причет всегда должен иметь не менее двух десятин земли в своем пользовании, немедленно (примерно через неделю после вышеприведенного разговора) решил прикупить еще землю для отвода ее причету, а по смерти жены сделал и другие покупки, вызываемые постройкой у нас церкви... В ноябре 1910 года я заявил нескольким соседям и соседкам, что если решено будет строить церковь в «Мариоках», то я жертвую под церковь 2 десятины, под школу 1 десятину и для нужд причета 2 десятины, а также делаю на постройку вклад в три тысячи рублей. Предложение мое было принято... Исполнено благословение у Его Высокопреосвященства Сергея, архиепископа Финляндского и Выборгского, на постройку. Владыкой утверждён состав комитета по постройке в числе двадцати лиц и выдана книга для сбора пожертвований. 1 марта 1911 года состоялось первое заседание комитета, в котором я избран председателем. Место для церкви высокое; перед ним широко расстилается море, а сзади тянется сосновый лес. Саженях в 20-25 от него могила жены и место будущего моего погребения... Средства, которыми к настоящему числу располагает комитет, составляют около двенадцати тысяч рублей, но их, ко-

нечно, далеко недостаточно для возведения задуманного каменного храма, долженствующего удовлетворить духовные нужды местных чад нашей церкви. И вот я решил обратиться за помощью на дело создания храма ко всем - во-первых, которые любили и просто довольно хорошо знали покойную жену; во-вторых, к тем из многих добрых знакомых, которых знаю я как сочувствующих удовлетворению духовных нужд и развитию просвещения в нашей окраине. Отзовитесь же на призыв мой и пожертвуйте что-нибудь на постройку церкви «Всех скорбящих радость» в «Мариоках», близ деревень Большие и Малые Метякуля». (После 1912 года деревня разрослась настолько, что разделилась на две части.)

В 1913 году рядом с могилой Крестовской начала строиться по проекту архитектора Ивана Александровича Фомина православная церковь. Она была спроектирована в древнерусском стиле XII-XIII веков. В 1914 году по проекту и под наблюдением архитектора Л. Сологуба приступили к возведению каменного здания здравницы Марии Всеволодовны Крестовской, в котором предполагались 35 отдельных комнат и общая гостиная. Вокруг здания сооружалась большая галерея для прогулок, отдыха и приема солнечных ванн.

Первая мировая война помешала этому строительству. Церковь все же продолжала строиться. Картавцов прикупает еще две десятины земли и организует комитет по сбору средств и пожертвований.

Помощником Картавцова в строительстве храма становится граф Александр Дмитриевич Шереметев, музыкальный и общественный деятель, основатель Музыкально-исторического и Пожарного обществ. Последнему он отдал свое имение в Ульянке, под Петербургом, а себе купил другой участок земли — на Черной речке. Познакомившись с Картавцовым, Шереметев стал активно участвовать в сборе средств на возведение церкви. В 1914 году она была построена, но освятили ее только в 1916 году.

Массивное здание храма стояло на горе среди молоденьких сосенок. Золотая его глава была видна отовсюду. Каменные ступени вели к металлической двери, над которой в белом окладе была укреплена икона Богоматери «Всех скорбящих радость». За колоннадой виднелся залитый ярким светом паникадила богатый пятирядный иконостас, привезенный сюда из Костромской губернии. Высокие стены храма были расписаны ликами святых, в золоченых киотах висели иконы. Многие из них были изготовлены в мастерских графа Шереметева. Несколько икон подарил А.Н. Куропаткин, известный собиратель антиквариата. Вся церковная утварь - лампы, паникадила, ковры были подлинными, старинными.

Внутреннее убранство церкви создавало тихое молитвенное настроение. На одной из стен был изображен старец с нимбом над головой. Он опирался на плечо мальчика, который смотрел на прихожан полными слез глазами. От росписей веяло стариной, и пришедшие в храм

забывали, что он нынче

Высота церкви составляла 17 метров, общая площадь была без малого 300 квадратных метров. Храм окружал двор — большое открытое место, обнесенное декоративной оградой, похожей на монастырскую. Высокая звонница стояла посреди ограды, и подойти к церкви можно было только пройдя через железные ворота звонницы, поставленные на рельсы. Главная лестница вела к двум башням, соединенными крепкими балками, к которым были прикреплены пять колоколов.

Белый храм, высокая звонница, часовня, капелла для отпевания, ограда создавали неповторимый архитектурный образ. Все, кто попадал в эти края, непременно шли к церкви и замирали от ее великолепия. Стихотворение Ю. Балтрушайтиса как нельзя точно отражало настроение посетителей храма:

*Я в жизни верую в значенье
Молитв, сокрытых тишиной,
И в то, что мысль — прикосновенье
Скорбящих душ к душе родной...
Вот почему я так упорно
Из темноты на мир просторный,
Где только пядь земли — мой дом,
Гляжу в раздумий немом...
И оттого в томленье духа,
Благословляя каждый час,
Что есть, что вспыхнет, что погас.
Безмолвный жрец, я только глухо
Молюсь святыне Бытия,
Где мысль — кадьница моя...*

В 1917 году, после революции, Картавцов уезжает из России. Присматривать за имением остается управляющий. Через год, во время гражданской войны финнов, дом был разграблен расквартированными здесь немцами из дивизии фон дер Гольца.

После революции жители Петрограда с грустью вспоминали о былом отдыхе на Карельском перешейке. Как уже было сказано, граница молодой советской республики с Финляндией прошла по реке Сестре. Последней приграничной станцией Финляндской железной дороги стал Белоостров. Черная речка осталась недосягаемой мечтой.

*Опустел Петроград.
Всякий выпорхнуть рад
Из кирпичных мешков на свободу;
Кто помчался в Юкки,
Кто спешит в Озерки,
Кто с Аничкова моста
Да в воду...*

— писал в 1922 году не известный нам поэт в газете «Дачник».

Когда российский дачников не стало, Карельский перешеек начали обживать финны, приезжавшие сюда на отдых из центральных районов страны.

После признания Финляндии независимым государством все русские, проживавшие здесь, стали считаться эмигрантами. У жителей страны Суоми слово «русский» было связано прежде всего с владельцами имений на территории Финляндии. Многие из них уехали в Европу, и некогда прекрасные их виллы на Карельском перешейке стали разрушаться, а парки вокруг них — зарастать травой.